

...Я не могу не думать о Прокофьеве... Его музыка... родонаучальник и душа танца, его Джуветта... средоточие света, гуманизма, духовной чистоты и возвышенности, которые пленяют едва ли не в каждом произведении Прокофьева...

Галина Уланова

Он всегда горячо любил свою Родину... те, которые хорошо знают его музыку, уже сейчас понимают, что в лице Прокофьева мир должен честь великого славянского композитора.

Леопольд Стоковский

Когда жив был Сергей Сергеевич, всегда можно было ожидать чуда. Было находиться во владениях чародея, который в любой момент может одарить вас сказочным богатством... У меня было больше встреч с прокофьевской музыкой, чем с автором... Он для меня весь в своих сочинениях и раньше и теперь. Встречи с его сочинениями были встречи с Прокофьевым.

Святослав Рихтер

«K» АКТО в солнечный день в шел по Арбату и увидел необыкновенного человека. Он нес в себе взыскивающую силу и прошел мимо меня как явление. В ярких желтых ботинках, клетчатых, с ярко-оранжевым галстуком, Я не мог не обернуться ему вслед—это был Прокофьев... Мимолетное впечатление конца 30-х годов, отраженное в воспоминаниях Святослава Рихтера, удивительный по точности буквы и дух портрет.

Сергей Прокофьев—человек исключительной судьбы. Высокие силы бытия, щедро одарив, чутко вели его сквозь бури сложного XX века, многократно оберегая и сохранивая для главного предназначения—творчества. Технико-знаком благоговения—многочестия.

И детство в солнечной южнороссийской провинции, где здоровьем уклад жизни, благодатная природа, внимание и забота родителей, прививавшие одаренному мальчику, все способствовали стремительному и многогранному развитию личности.

И профессиональное становление в ту интереснейшую, бескрайнюю, бесценную для культуры пору Санкт-Петербурга начала века, когда в 1904 году его тринадцатилетнего привезли для поступления в консерваторию.

И ранний выход на мировые орбиты: блестательное завершение сыном музыкального образования матеря наградами поездкой в Лондон, где молодой композитор получил от Давыдова первый заказ, ставший началом долгого сотрудничества. «В Лондоне все было так интересно,—справляет позднее Прокофьев, что, я едва не прозвал наиважающими европейской войну и лишил совершенства начинанию вернулся в Петербург за несколько дней до начала ее». А через год уже концерты в Риме, снова, несмотря на военные действия в Европе, поездки—жизнь и рядом с опасностью и одновременно совершенством независимо от нее, в другом измерении, предельно насыщенным творчеством и только им. В 1918 году это повторится на куда большем этапе напряжения: решив направиться в Америку, Прокофьев буквально чудом проходит всю Сибирь, уже сотрясаемую конфликтами нарождающейся гражданской войны.

С этого времени начинается шествие прокофьевской музыки по эстрадам и театральным подиумам крупнейших городов Америки и Европы. Казалось бы, ему, как и многим выдающимся россиянам, уготована роль гражданина мира. Но здесь у Прокофьева свой путь. Все чаще называя в середине 30-х

нестабильность композитора. Сменяются лирические акценты, и позднее на первый план выходит именно лирика. «В лирике мне в течение долгого времени отдавали вовсе, и, неподозримая, она разиндалась медленно,—напишет композитор.—Зато в дальнейшем я обращал на нее все большую и большую внимания».

Прокофьеву удалось создать свой квирокоримский музыкальный язык. Он узнаваем с первых звуков. Прокофьевская гармония, мелодика, ритмика, оркестровое письмо как особый феномен стали предметом специальных научных исследований. Амагия его индивидуального стиля столь сильна, что породила и эпигонов. Многие поколения музыкантов,ально или невольно испытывали на себе его сильнейшее влияние, есть и такие, которые до сих пор идут в его фарастве. Уже под флагом традиционизма, ведь сегодня Прокофьев—классик.

Творческое наследие Прокофьева поражает обилием и разнообразием жанров. Кажется, что ему хотелось испробовать все. И для этого были все возможности, ведь он был музыкант-универсал: композитор, пианист, дирижер, блестательный и специфический пианист. Прокофьев оставил после себя не только многочисленные размышления специалистов и темпераментные рецензии ведущих критиков разных континентов, но и ценивших пласт фортепианной музыки XX века. Его сонаты, концерты, многочисленные пьесы—одни из самых репертуарных во всем мире, интерес и имя не ослабевают. Напротив. Ни юный ученик, ни маститый художник сегодня не могут пройти мимо Прокофьева, не боясь остаться односторонними. Думается, для полноты художественного развития пианиста запечатленный в звуках мир Прокофьева сегодня так же необходим, как, например, мир Баха, мир Моцарта и Бетховена, Шопена и Шумана. Но среди всего этого богатства созданной музыки, рядом с симфониями и концертами (форштадтными, сиритическими, виолончельными), рядом с разнообразной камерной и вокальной музыкой главным для Прокофьева на его жизненном и творческом пути всегда был театр.

Чувством театра Прокофьев был наделен в избытке. Тогда лицедейство, к разогрызашам, детские представления, которые сам придумал и организовал, давая волю разлившейся фантазии, занялись той бледнотой почвой, на которой смогло развиться новаторское и самобытное явление в культуре XX века—музыкальный театр Прокофьева. Оно охватывает огромный багаж—семь балетов, восемь опер (не считая, естественно, еще доконсерваторских проб), которые, несмотря на годы, продолжают быть на сцене.

В тот же год были изданы из реPERTУАРА «Дуэты» и «Бойни и миры», не вышли к слушателям и готовившаяся премьера новой оперы «Повесть о настоящем человеке», перенесли звучание симфонии. Все было объявлено «формалистическим». И даже более благополучно с позиций рецензентов народности новый балет «Каменный цветок», начатый летом того же 1948 года, написанный удивительно быстро и практически завершенный к 1950 году, так и не увидел свет рампы при жизни композитора. И она вмешалась.

В тот же год были изданы из реPERTУАРА «Дуэты» и «Бойни и миры», не вышли к слушателям и готовившаяся премьера новой оперы «Повесть о настоящем человеке», перенесли звучание симфонии. Все было объявлено «формалистическим». И даже более благополучно с позиций рецензентов народности новый балет «Каменный цветок», начатый летом того же 1948 года, написанный удивительно быстро и практически завершенный к 1950 году, так и не увидел свет рампы при жизни композитора.

Конечно, болезнь, которая спустя пятьдесят лет унесла жизнь Прокофьева, немала своей глубины медицинского диагноза. Но не надо быть врачом, чтобы представить, сколь щедрого подарка в докладе Жданова: «Мы не считаем, что ваши произведения свободны от недостатков, но мы терпим, ожидая, что наши композиторы сами найдут в себе силы для того, чтобы избрать правильную дорогу. Но теперь всякий видит, что необходимо было вмешательство партии. И она вмешалась».

В тот же год были изданы из реPERTУАРА «Дуэты» и «Бойни и миры», не вышли к слушателям и готовившаяся премьера новой оперы «Повесть о настоящем человеке», перенесли звучание симфонии. Все было объявлено «формалистическим». И даже более благополучно с позиций рецензентов народности новый балет «Каменный цветок», начатый летом того же 1948 года, написанный удивительно быстро и практически завершенный к 1950 году, так и не увидел свет рампы при жизни композитора.

И не те ли события, сейчас осужденные и почти забытые, возмели такие далекие последствия, что по прошествии многих лет в Москве нет ни мемориальной квартиры, ни музея Прокофьева («мини-экспозиция в детской Музикальной школе им. Прокофьева», естественно, не в счет)! А могла бы и должна быть бы им стать прокофьевская библиотека на Николиной горе—место, к которому он был очень привязан и где прошли последние годы напряженного творческого труда. Петру Ильиничу Чайковскому в этом плане везло больше, после его внезапной кончины брат Модест Ильинич и преданный слуга Алексей Иванович Софонов сумели откупить Клинический дом и сохранили его для потомков. Но прошли другие времена, и для Прокофьева на Николиной горе—практически готовый музей—так и не стал им. Наш долг сегодня перед памятью великого музыканта еще не оплачен.

1991 год по решению ЮНЕСКО объявлен годом Сергея Прокофьева. Вместе со всеми готовился праздновать столетие со дня рождения замечательного русского композитора, мысленно проходя шаг за шагом его путь в этом мире, слушая его музыку, понимая—это было уникальная судьба. Его портреты писались выдающимися художниками: Э. Серебрякова, А. Бенуа, А. Матисса, Н. Гончарова, П. Кончаловского, Б. Шаптилии. Его сочинения начинали свою публичную жизнь в Петербурге и Москве, Лондоне и Париже, Брюсселе и Чикаго, Нью-Йорке и Берлине. Его товарищами и соратниками по искусству были крупнейшие деятели мировой культуры ХХ века—режиссеры, балетмейстры, композиторы, дирижеры, литераторы, художники, артисты. Он познал, быть может, высшее человеческое благо—преданную дружбу, пронесенную через всю жизнь. Таким другом был Николай Яковлевич Масковский, это ему принадлежит сегодня уже хрестоматийные слова, написанные в письме Прокофьеву после получения новой оперы: «Еще стоит жить на свете, пока существует такая музыка! А я закрою двери как посланием нового поколения больших музыкантов в жизни. Прокофьев вошел молодой в М. Ростропович. Ему поставлено последнее, законченное сочинение композитора—Симфония-концерт для виолончели с оркестром».

Среди многих бумаг, оставшихся после Прокофьева, не большая книжечка с светлом деревянным переплетом. Это альбом автографов 1916—1921 годов, в котором многие знаменитости, друзья и знакомые отвечали на вопрос: «Что вы думаете о Солнце?». Всего 48 записей. Одна из них принадлежит Николаю Николаевичу Черепину—любимому профессору, дирижеру и композитору, пущившим многих других понимавшим и оценившим каждый из слов его великого ученика. Запись, сделанная после генеральной彩演 of «Классической симфонии», гласила: «Когда Вы вышли сегодня дирижировать Вашей солнечной симфонии, луч солнца заглянул на Ваше лицо. Была ли это удача сочувствия родственной Вам стихии, я не знаю, но я уверен, что это могло бы быть так».

Татьяна КУРЫШЕВА,

● А. Матисс. Карапашинский порт.

● Первый когтевой автограф.

● Руки Прокофьева.

СОЛНЕЧНАЯ СИМФОНИЯ

Прокофьев внес в русскую музыкальную культуру огромный, неоцененный вклад. Гениальный композитор, он развил творческое наследие, оставленное нам великими корифеями русской музыкальной классики — Глинкой, Мусорским, Чайковским, Бородиным, Римским-Корсаковым и Рахманиным.

Дмитрий Шостакович

Он посвятил все свое творчество пылкой и благородной борьбе за правду в искусстве. В этом, без сомнения, была самая существенная черта его облика. Это безупречная честность — лучшее достоинство человека и художника.

Жорж Орик

Лучше всего я постигаю Солнце благодаря нескольким гениальным личностям, с которыми имею счастье быть знакомым. Король Солнце сказал: «Государство—это я!». Вы, мой дорогой Прокофьев, могли бы сказать: «Солнце — это я!».

Артур Рубинштейн

годов он окончательно возвращается к Родине. Чтобы дома перенести звонное ликование... Чтобы, достигнув глубин мастерства, здесь же пройти и через огромный успех, и через тяжелейшие потрясения. И даже смерть Прокофьева отменяет особым поворотом колеса истории—он ушел из жизни 5 марта 1953 года, в день, когда умер Сталин.

Прокофьев рано получил звание свободного художника—так назвались окончавшие класс Форм Петербургской консерватории. Но звание не было для него прямым, но и более широким, даже философским смыслом очень точно выражавшем суть его художественной натуры. Письма, воспоминания, высказывания композитора, с блеском написанная «Автобиография» выдают острый, независимый ум, tagtowящий к нетривиальности суждений, к юмору, шутке, ironии, объему, которой нередко становится он сам. Корни этого внутренней независимости заложены уже в детстве: «В двадцать лет я имел собственную точку зрения на музыкальные сочинения и мог ее защищать». В еще большей степени однозначность становилась свободы художника явилась новаторской, дерзкой, бунтарской композиторской творчеством Прокофьева.

Кардинальными достоинством (или пороком, если хотите) моей жизни всегда были поиски оригинального, своего музыкального языка. Я наивно надеялся, что к нему приведет композитор неизвестный—это неизвестному мастерству, заслуженному у меня. Неизвестный, и наконец, я нашел его: в юношеском звучании звукобразов, на которых, будто бы, вдохнулись образы моей памяти. Своим образом они вдохнули в меня желание творить, а также и возможность творить. И я начал писать оперы, балеты, пьесы, концертные произведения. Я начал писать музыку, которая не имела аналогов в мире. И я начал писать музыку, которая имела аналогов в мире. И я начал писать музыку, которая имела аналогов в мире. И я начал писать музыку, которая имела аналогов в мире.

Однако чуткое ухо прогрессивных современников очень скоро восприняло и созидательную силу скользкого и целенаправленного искусства Прокофьева. За поражающую воображение звуковой стихией, эптирующей одинаково и восхищающей других, создал образ бурной и сложной эпохи, воссозданный музыкантами. Наступательная моторика, неистовое «варварское» ритмы и извращение, звонкие и звонческие образы, кипящая пыль, разбросанные робинами остряками лирики—это эти знаки образного мира раннего Прокофьева, сохраняют свое значение на всем протяжении твор-

чества композитора. Сменяются лирические акценты, и позднее на первый план выходит именно лирика. «В лирике мне в течение долгого времени отдавали вовсе, и, неподозримая, она разиндалась медленно,—напишет композитор.—Зато в дальнейшем я обращал на нее все большую и большую внимания».

Прокофьеву удалось создать свой квирокоримский музыкальный язык. Он узнаваем с первых звуков. Прокофьевская гармония, мелодика, ритмика, оркестровое письмо как особый феномен стали предметом специальных научных исследований. Амагия его индивидуального стиля столь сильна, что породила и эпигонов. Многие поколения музыкантов, альянсы и специфические пианисты Прокофьева оставили после себя не только многочисленные размышления специалистов и темпераментные рецензии ведущих критиков разных континентов, но и ценившихся письмах.

А. Матисс. Карапашинский порт. С. Прокофьев. Первый когтевой автограф. Руки Прокофьева.

